

а образ отчаяния встречается в том же произведении, где и этот термин (Даниил).

Есть еще одна загадочная цитата, заимствованная «Летописной» повестью со стороны. Загадочность ее происхождения заключается в противоречии с системой заимствования, свойственной автору «Летописной» повести. Этот писатель не отличался изяществом и находчивостью. Кроме двух-трех житийно-исторических текстов и летописной стилистики вообще, он довольно механически использовал десяток популярных псалмов, и если подражал пророку Даниилу или сочинениям, вошедшим в компилятивный хронограф, то и эти подражания не свидетельствуют о его литературном вкусе. Психологические эффекты его грубы и несамостоятельны. И вот на фоне его шаблонной работы мы сталкиваемся с замечательной цитатой, которую едва ли ему было свойственно подметить без сторонней помощи. Услышав о переходе русским войском Оки и о вступлении во вражескую землю, во всех городах, а особенно в Москве, женщины запечалились и заллакали, как библейская Рахиль о своих детях. «И бысть в граде Москве туга велика и по всем его пределом плачь горек и глас рыдания сииречь в высоких: Рахиль же есть рыдание крепко, плачущися чад своих с великим рыданием и вздыханием, не хотя утешитися, зане пошли с великим князем на острая копья». Издатели Новгородской IV летописи, где помещен один из лучших видов «Летописной» повести о Мамаевом побоище, сделали к этой цитате примечание: «сие место, испорченное в списках, заимствовано из пророка Иеремии, гл. XXXI, ст. 15». В славянском переводе книги пр. Иеремии соответствующее место, взятое в несколько расширенном объеме (стихи 15—17), читается так: «Тако рече господь: глас в Раме слышан бысть плача и рыдания и вопля: Рахиль плачущися чад своих и не хотяше утешитися, яко не суть. Тако рече господь: да почиет глас твой от плача и очи твои от слез, яко есть мзда делом твоим, глаголет господь и возвратятся от земли вражия; и есть надежда последним твоим, глаголет господь, и возвратятся сынове твои в пределы своя». Рахиль, как символ неутешной матери, упомянута и в евангелии (Матфея гл. 2, ст. 17 и 18): «тогда сбытся реченное Иеремием пророком, глаголющим: глас в Раме слышан бысть, плачь и рыдание и вопль мног: Рахиль плачущися чад своих и не хотяше утешитися, яко не суть». Хотя автор «Летописной» повести мог не только читать, но и слышать чтение о Рахили в церкви на второй день рождества, однако, едва ли он был способен уловить ценность этого образа и простое изящество его выражения. Он даже не сумел применить его с литературной ловкостью, и мы думаем, что упрек издателей Новгородской IV летописи